

РАССКАЗ
ИЗ АРХИВА КОРСАКОВА

A man in a dark, heavy coat stands with his back to the camera on a dark, wet pier. He is looking out at a turbulent sea with large, white-capped waves crashing against the pier. In the background, a grand, classical building with a dome and statues on its roof is visible under a dark, stormy sky with rain falling. The overall mood is somber and dramatic.

ДЕЛО
О
БУРНЫХ
ВОДАХ

ИГОРЬ ЕВДОКИМОВ

Игорь Евдокимов

Дело о бурных водах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69728170

SelfPub; 2023

Аннотация

Ноябрь 1824 год. Владимир Корсаков еще не родился, но его род уже два столетия охраняет империю от темных сил. Между тем Петербург стоит на пороге самого страшного стихийного бедствия в своей истории – только еще не знает об этом. Ненастным ноябрьским утром юная вдова с Васильевского острова получает письмо от мужа. Супруг обещает явиться к обеду – несмотря на то, что умер две недели назад. На помощь девушке приходит герой войны с Наполеоном и опытный сыщик Василий Александрович Корсаков.

Содержание

Игорь Евдокимов

Дело о бурных водах

*Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!*

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет.

А. С. Пушкин «Медный всадник»

Те, кому довелось пережить этот день, никогда не забудут 7 ноября 1824 года. День гнева Божьего, когда бурные воды Невы поднялись, грозя стереть Северную Пальмиру с лица земли и погрузить столицу в темные пучины.

Поначалу ничто не предвещало бедствия. Да, днем ранее налетел юго-западный ветер, вздымавший ужасными порывами воду в реках и каналах Петербурга до самых берегов. Да, летом скала у Каменного острова, по уверениям старожиллов предсказывающая беду, полностью ушла под воду. Да, столичный чудак Антон Роспини, физик и механик, чуть не сошел с ума, наблюдая чудовищное падение давления в ба-

рометрах за несколько дней до ненастья. Но Петербург не испытывал наводнений уже более 40 лет. С чего бы потопу случиться, скажем, завтра? А что до шквалистого ветра – так любой житель столицы к нему привычен и воспринимает, как досадную, но банальную неурядицу. Поэтому день 6 ноября был дождливым и мерзостно-промозглым, однако вполне обыденным.

Василий Александрович Корсаков остановился у мрачно-ватого желтого особняка на Васильевском острове, ежась от ледяных порывов балтийского борея. Жозеф, его верный и молчаливый на людях слуга, худой черной тенью застыл за спиной у патрона. Корсаков потянул за цепочку, висящую справа от солидной входной двери. Внутри раздался мелодичный звон колокольчика. Впустил их лакей, невозмутимо принявший вымокшие плащи и кликнувший молоденькую служанку, чтобы та провела гостей к барыне.

Их ждали в малой гостиной, где принято встречать визитеров. Комната не отличалась богатством убранства – несколько стульев и кресел, и диван (где расположилась хозяйка). Печка в углу. Справа от входа – часовой шкаф. Посреди гостиной горел камин, столь необходимый с учетом холода и тоски поздней петербургской осени. Свет давали люстра под потолком и лампы с теплыми абажурами на столиках и полках. Стены оживляли несколько акварелей – беглым взглядом Корсаков определил их, как ученические, но вполне талантливые. Картины дышали легкостью и явно бы-

ли написаны женской рукой.

Девушка-служанка неуклюже поклонилась и быстро исчезла, оставив гостей и хозяев изучать друг друга. Василий Александрович имел внешность довольно прозаическую – среднего роста, среднего сложения, с пышными волосами, тронутыми ранней сединой. Взрослого внука он, увы, не застанет, но видевшие обоих старожилы утверждали, что при определенном освещении Владимир Корсаков выглядел натуральной копией своего знаменитого деда. Отличались глаза. Хотя Василий Александрович обладал приятными манерами, тонким чувством юмора и очаровательной улыбкой, окружающим непременно становилось не по себе от его тяжелого колючего взгляда. Особенно, когда Корсаков был чем-то – а чаще кем-то – сильно недоволен.

Встретили его двое. Хозяйка дома сидела на диване – милостивая молодая дама, которой на вид едва минуло двадцать лет. Она носила черное траурное платье, придававшее ей болезненный вид. Напротив нее в кресле довольно вальяжно устроился столь же молодой господин в форме гвардейского подпоручика. «Блондин, голубые глаза – стало быть, семеновец¹», определил Корсаков. Подпоручик и заговорил первым:

– Значит, вы и есть знаменитый Корсаков, о котором мы

¹ Гвардейские полки славились идеальным внешним видом, поэтому новобранцев они отбирали, в том числе, по внешности. В преображенцы брали русских, в измайловцы – брюнетов, а в семеновцы – блондинов.

столько наслышаны?

– В мое время было принято представляться прежде, чем начинать разговор, – ровным монотонным голосом ответил Василий Александрович. Смотрел он только на хозяйку, не достаивая подпоручика взглядом.

– Да вы хоть знаете, кто... – вспыхнул гвардеец.

– В том числе и затем, чтобы избегать подобных вопросов, – адресовал ему едкий комментарий Корсаков. – И по вашим манерам знаю я достаточно, чтобы предположить, что вы не ровня тем офицерам Семеновского полка, с кем я имел честь служить в двенадцатом году. А посему – умерьте пыл и позвольте говорить хозяйке дома.

Подпоручик распахнул было рот, но девушка оборвала его:

– Никита, Василий Александрович прав. Простите его, господин Корсаков, он, как и я, очень подавлен произошедшими событиями. Меня зовут Надежда Михайловна Радке. Это мой друг и доверенное лицо, подпоручик Никита Георгиевич Панютин. Я очень благодарна, что вы откликнулись на мое письмо в столь краткий срок. Прошу, садитесь.

Жозеф молча взял один из стульев и поставил его так, чтобы Корсаков мог видеть обоих собеседников. Когда Василий Александрович занял свое место, слуга истуканом встал у него за спиной.

– Слуга у вас немой? – вновь невпопад спросил Панютин.

– Нет, просто Жозеф знает, когда мужчине пристало мол-

чать, – парировал Корсаков.

– Жозеф? Вы держите при себе француза?

– Двенадцать лет назад он был ранен и брошен умирать своими соотечественниками за попытку остановить резню в деревне недалеко от моей усадьбы, – спокойно объяснил Василий Александрович. – Думаю, это рекомендует его наилучшим образом.

Корсаков не стал уточнять, для чего французы планировали сжечь деревню. И на какие цели собирались пустить кровь и тела принесенных в жертву жителей, пока не подоспел он сам с гусарами и партизанами.

– Конечно, Василий Александрович, – снова заговорила хозяйка.

– Итак, вы написали, что нуждаетесь в моей помощи, но при этом умолчали о подробностях, – обратился к ней Корсаков. – Я бы хотел их услышать, если вас не затруднит.

– Да-да, – закивала Надежда Михайловна, нервно сглотнув. – Вчера я получила письмо, которое наполнило мою душу ужасом.

Радке бросила испуганный взгляд на каминную полку. Повинуясь жесту Корсакова, Жозеф подошел к камину и вернулся к хозяину, держа в руках сложенный пополам лист желтоватой бумаги. Василий Александрович развернул его и прочитал в слух:

– *«Дорогая супруга моя, Надежда Михайловна. Ждите меня к обеду 7-го числа сего месяца. Всегда ваш, Г.»*

– Генрих, мой муж, – пояснила хозяйка.

– И что в этом необычного? – предпочел спросить Корсаков, хотя уже догадывался об ответе, глядя на траурное платье.

– Он мертв, Василий Александрович, – шелестящим шепотом сказала Надежда Михайловна. – Генрих умер две недели назад и похоронен на Смоленском кладбище.

Она задрожала, как от озноба. Панютин сделал попытку подняться, но в комнату уже влетела миниатюрная пожилая женщина. В руках она держала теплый пуховый платок, которым и укрыла с материнской заботой плечи Надежды Михайловны. Из скорости ее появления Корсаков сделал вывод, что на протяжении всего разговора женщина стояла рядом с дверью.

– Аксинья, моя нянька, заботится обо мне с детства, – пояснила Радке.

– Вы уверены, что это не чей-то розыгрыш в дурном вкусе? – спросил Василий Александрович.

– Нет, – уверенно покачала головой Надежда. – Это почерк Генриха, я его везде узнаю. Он присылал мне подобные записки, возвращаясь из конторы. Предупреждал, чтобы ужин был готов и я... – она едва заметно вздрогнула. – Я ждала его. К тому же к письму была приложена пуговица.

– Пуговица? – переспросил Корсаков.

– Да, от сюртука. В котором его похоронили.

Корсаков и Жозеф молча переглянулись.

– Что ж, это достаточно любопытный случай, чтобы удостоиться моего внимания, – констатировал Василий Александрович. – Но сначала я должен задать вам один вопрос. Он покажется вам бестактным, но от вашего честного ответа будет зависеть, помогу я вам или нет. Вас устроит такое условие?

– Да, – твердо ответила Надежда.

– Хорошо, – задумчиво кивнул Корсаков. – Мне нужно знать – вы имели какое-либо отношение к смерти своего супруга?

Задав этот вопрос, Василий Александрович не моргая уставился своими колючими глазами на Надежду Михайловну.

– Свят-свят-свят! – отшатнулась и запричитала няня.

– Да что вы себе... – взревел Никита Панютин, вскакивая с места.

– Сядьте, подпоручик, вопрос адресован не вам! – отчеканил Корсаков не сводя взгляда с хозяйки дома. Гвардеец сделал шаг ему на встречу, сжимая кулаки, но вновь был остановлен тихим голосом Радке:

– Никита, остановись! – Надежда выдержала взгляд Корсакова и открыто смотрела на него в ответ. – Василий Александрович, я клянусь всем, что свято – я всегда была верна мужу и никак не способствовала его смерти. Генрих был старше меня на сорок с лишним лет. Старым и хворым. Никто не счел его смерть подозрительной.

Корсаков удовлетворенно кивнул и поднялся со стула.

– Это все, что мне требовалось услышать. Благодарю за честность. Я приложу все усилия, чтобы помочь вам. И вот, как мы поступим. Вы разбирали комнаты супруга?

– Нет, – ответила Надежда. – Мне не хватило сил для этого. Там все осталось так, как если бы он был еще жив.

– В таком случае, мне нужно будет осмотреть их. Далее я отправлюсь на Немецкое кладбище. Завтра утром вернусь, чтобы доложить о своих находках, а затем мы вместе подождем обеда и проверим, сообразовал ли ваш супруг почтить нас своим присутствием.

– Святые угодники! – воскликнул кладбищенский сторож и, поскользнувшись, упал на спину, разметав в разные стороны брызги черной липкой грязи.

– Хранитель нам больше не нужен, я правильно понимаю? – иронично осведомился Жозеф.

– Да, пожалуй его можно отпустить, – согласился Корсаков. Сторож, истоиво крестясь, отполз в сторонку, поднялся, опершись на могильную ограду, и бросился прочь.

Они стояли посреди лютеранской части Смоленского кладбища. С неба продолжал хлестать острыми каплями холодный дождь, умножая распутицу и застилая глаза. Вокруг высились кресты и памятники – от плохоньких деревянных распятий до торжественно-мраморных мавзолеев, от про-

стенных завядших цветов до остроконечных изящно украшенных кованых оград. Атмосферу уныния и запустения лишь подчеркивали лишённые листвы деревья. Кроме постоянного монотонного шума дождя не слышно было других звуков – даже вечно каркающие вороны замолчали.

Перед Корсаковым и Жозефом разверзлась пасть мрачной ямы, частично заполненной водой. Но даже в таком виде сомнений не оставалось – на дне могилы гроб отсутствовал.

– Что ж, экзальтированные дамские чувства можно исключить, – констатировал Василий Александрович.

– Думаете, дельце по вашей части, *Votre Excellence*²? – уточнил слуга.

– Никогда нельзя исключать злонамеренных козней обычного человека, – покачал головой Корсаков. – Хотя следы вокруг могилы наводят на нехорошие мысли.

– Да?

– Земля размокла, поэтому утверждать наверняка не берусь, но видится мне, что тут работали не лопатой, а голыми руками, – мрачно констатировал Василий Александрович.

– *Sacrebleu!*³ – воскликнул Жозеф и машинально схватился за грудь. Там, куда попала офицерская пуля двенадцать лет назад.

– Не важно, сам Генрих Радке поднялся из могилы, или

² Ваше Сиятельство (франц.), принятое обращение к носителю графского титула.

³ Здесь – «Черт возьми!» (франц.)

его гроб извлек кто-то из живущих, добра Надежде Михайловны ждать не стоит, – продолжил размышлять Корсаков. – Скажи, Жозеф, что ты думаешь о вдове?

– Что я думаю или что мне удалось выяснить, *Excellence*? – усмехнулся слуга.

– И то, и другое. Пойдем к экипажу, расскажешь по дороге. Нечего нам здесь мокнуть, – и, подавая пример, сам двинулся к выходу.

– Как скажете, – Жозеф поспешил за ним. – Соседи и знакомые, конечно же, судачат, что супруга помогла господину Радке отправиться на тот свет. Однако, вопреки ожиданиям, общее отношение к ней скорее сочувственное, а не осуждающее. Не очень похоже на обычную «веселую вдову».

– Генрих Радке никому не нравился, так?

– Именно! О покойных плохо говорить не принято, но работников он, как это художественно говориться у вас, драл в... Эти... Которые у коня...

Он осекся, пытаясь вспомнить необходимое слово, и пару раз вяло взмахнул рукой.

– В хвост и в гриву, – подсказал Корсаков.

– Истинно так, *Excellence*, – обрадовался слуга. – Те, кто осмеливался выступать против него, таинственным образом исчезали. Женитьба характер тоже не исправила. Тем более, что брак для него не первый. Надежда стала чем-то вроде военного трофея на склоне лет. И бедняжку он третировал ужасно.

– То есть считаешь, что вдова Радке нам солгала, утверждая, что не имела отношения к смерти мужа?

– Я ничего не считаю, *Excellence*, я просто говорю, что удалось вызнать, – пожал плечами Жозеф.

Они достигли экипажа, ждавшего их у церковной ограды. Слуга распахнул дверцу и помог Корсакову забраться внутрь, в относительные тепло и сухость кареты.

– Куда прикажете?

– Помнитесь, по дороге от дома Радке на кладбище мы проезжали мимо аптеки Гельфмана. Правь туда.

– Будет сделано, – невзирая на капризы погоды, Жозеф вскочил на козлы и взялся за поводья.

В помещении аптеки творился суший пандемониум. Всюду сновали многочисленные дети и внуки Гельфмана, собирая и пакуя препараты, порошки, микстуры, склянки и прочую медицинскую утварь. Сам хозяин аптеки устроился на высоком табурете в уголке, регулярно отдавая весьма дельные, на его взгляд, команды и наставления.

– Вы переезжаете? – поинтересовался Корсаков, вежливо постучав о дверной косяк набалдашником трости.

– Чтобы старый Гельфман да куда-то переехал? Вы-таки в своем уме, Василий Александрович? Нет, дорогой мой, этот дом я покину только вперед ногами!

– Тогда к чему весь этот переполох?

– А вы в окно выглядывали? Хотя что же это я спрашиваю, вы только что с улицы! В такую погоду самонадеянность опасна, молодой человек. Поэтому пусть пока мои драгоценные лекарства поживут пару дней со мной на втором этаже.

– Думаете, будет наводнение? Полно вам, Гельфман, вы как будто не прожили в Петербурге 60 лет! Это обычная ноябрьская непогода.

– 67, мой юный друг! И я дожил до этого возраста потому, что всегда знал, каким приметам верить. Сегодня утром кошка, которую мы подкармливаем и даем иногда погреться в аптеке, одного за другим принесла своих котят и подняла на второй этаж по этой самой лестнице. Звери такие вещи чувят, Василий Александрович. Один сосед незадолго до вашего приезда имел наглость позубоскалить насчет моих приготовлений. Знаете, что я ему-таки ответил? «Старый Гельфман будет смеяться, когда вы будете плакать!» Но, что же это я все о себе, вы ведь пришли не для того, чтобы выслушивать нравоучения старого аптекаря?

– Боюсь, что нет, – признал Корсаков. – Скажите, Гельфман, у вас в последнее время ядов не покупали?

– Покупали, Василий Александрович, покупают, и будут покупать, уж поверьте! Ежедневно! И стар и млад! В определенных дозах любое лекарство, знаете ли, становится ядом. Но я-таки вижу печать недовольства на вашем породистом лице, поэтому подозреваю, что вы имеете в виду что-то более конкретное. Настоящую отраву. Возможно, вы даже под-

скажете мне, что именно вас интересует?

– Знаете госпожу Радке? Она проживает недалеко от вас.

– Знаю. Бедная девочка. Муж ее – сущий дьявол во плоти. Отвратительнейший человек. И не смотрите так на меня, знаю, что он умер, но я уже сам в таком возрасте, что однажды сия участь предстоит и мне. Так что могу себе позволить так рассуждать. Нет, Василий Александрович, юная Радке ко мне за ядом не заходила, если вы об этом. И большинство слуг из их дома я тоже знаю в лицо.

– Что ж, тогда не буду больше вас отвлекать... – Корсаков уже повернулся к выходу, когда ему в голову пришла еще одна идея: – Скажите-ка, а гвардейский офицер к вам не заглядывал?

– Гвардеец? Подпоручик? Молодой? Блондин? Семеновец? Не заглядывал, – хитро улыбнулся Гельфман. – И я ему ничего не продавал около двух недель назад, так что перестаньте мучать меня своими вопросами, – он постучал длинным пальцем по расходной книге и тут же отвернулся, переключив свое внимание на невестку, которая чуть было не разбила огромную бутылку с подозрительным содержимым: – Софа, Господь дал людям два глаза, чтобы смотреть, две руки, чтобы держать, и одну голову, чтобы думать, но мне начинает казаться, что тебя он чем-то обделил, только не могу понять, чем!

Корсаков вышел из аптеки под непрекращающийся дождь. Жозеф ждал его на козлах – если пронзительный ве-

тер и хлесткие струи ливня и доставляли ему дискомфорт, то слуга этого не выказывал.

– Куда теперь? – спросил он.

– Теперь можно и домой, – ответил Корсаков. – Нужно подготовиться к завтрашнему дню.

Внезапно, мимо его ног шмыгнула маленькая серая тень, заставив отшатнуться. Потом еще одна. И еще. Испуганно заржала лошадь. Улицу укрыл серый шевелящийся ковер – десятки и сотни крыс выбирались из подвальных окон и массово спешили куда-то прочь. Некоторые карабкались по домам и немногочисленным деревьям, стараясь забраться повыше.

«Возможно, Гельфман не так уж и неправ», мрачно подумал Василий Александрович.

Возвращались уже глубоких сумерках, но Корсаков успел заметить, что на Адмиралтейской башне вывесили беснующиеся под порывами ветра сигнальные фонари, предупреждающие об угрозе наводнения. Черная, бурная вода в каналах подступила опасно близко к границе гранитных плит, грозя выплеснуться на улицы.

– Как бы не вышло, что утром мы не сможем вернуться к Радке, – заметил Жозеф, открыв дверцу экипажа по прибытии.

– У нас нет другого выбора. Надежде Михайловне безусловно грозит опасность и негоже нам ее бросать.

В ночь на 7 ноября Василий Александрович не спал. Мрак его кабинета разгоняли десятки свечей и несколько настольных ламп. Корсаков же внимательно изучал бумаги, увезенные из личных покоев Генриха Радке. И чем больше он узнавал, тем мрачнее становились ему перспективы завтрашнего возвращения в дом Надежды Михайловны.

– Почему я не встретил тебя раньше? – спросил он у бессловесных бумаг, оставшихся от Радке. Генрих безусловно был человеком сведущим в оккультных науках. Причем, в самой мрачной и темной их части.

Корсаков успел заранее навести справки об этом странном господине. Потомок немцев, привезенных в столицу Петром, Генрих не пошел ни по придворной, ни по военной стезе, а занялся морской торговлей. Начал с трех кораблей, на одном из которых сам стал капитаном. Постепенно его флот расширился. Компания Радке исправно снабжала столицу колониальными товарами из дальних стран, а сам Генрих исследовал самые экзотические уголки земного шара. Несмотря на его трудолюбие и успех (а может, отчасти, и благодаря им), репутация немца оставляла желать лучшего. Опытные моряки отказывались наниматься на его корабли, рассказывая страшные истории про своего капитана. Другие купцы избегали переходить ему дорогу после того, как несколько его соперников погибли в загадочных несчастных случаях или бесследно исчезли. Та же судьба ожидала че-

тырех его жен – Надежда оказалась пятой. И единственной, оставшейся в живых. В оккультных кругах столицы Генриха знали плохо, но среди избранных ходили смутные слухи о его глубоких познаниях и обширной коллекции, привезенной из странствий. Причем, шептались за его спиной, некоторых из посещенных им земель до сих пор не было ни на одной карте.

Буря за окном лишь свирепела. Окна и кровли домов сотрясались от порывов ураганного юго-западного ветра, гнавшего Неву вспять. Огромные капли бились в стекла, заставляя их дрожать.

Спать Корсаков отправился лишь под утро, полный уверенности, что ему потребуется каждая крупинка внимания и спокойствия, если он рассчитывает вернуться домой живым. Жозеф, в отличие от хозяина прекрасно отдохнувший, принес Василию Александровичу завтрак в спальню.

– Вы раскрыли тайну записки Радке, – слуга не спрашивал, а констатировал факт.

– В общих чертах – да, – кивнул Корсаков. – Нам предстоит очень сложный день.

– В таком случае – *bon appetit, Excellence*, позвольте удалиться и зарядить пистолеты, – Жозеф остался абсолютно невозмутим.

Выехали в девять с четвертью. Корсаков с удивлением обнаружил на улицах людей, вышедших из дома несмотря на непогоду и воскресный день. Особенно большая группа зе-

вак собралась у Невы. Река, словно бешеный зверь в клетке на глазах у любопытствующих зрителей, ярилась, вздымаясь пенистыми волнами и разбивая их о гранитные берега с ужасным шумом и брызгами. Особо бурные всплески вызывали восторженные вскрики толпы.

– Нет, человеческая глупость никогда не перестанет меня изумлять, – пробормотал себе под нос Василий Александрович.

И ему, и собравшимся на берегах зевакам было невдомек, что безумные воды уже неслись по направлению к городу, затапливая низменные места Канонерского острова и Галерной гавани. Необозримое пространство вод казалось кипящей пучиной, над которой распростерт был туман от брызг и волн, гонимых против течения и разбиваемых ревущими вихрями. Белая пена клубилась над водяными громадами, которые устремились на берег. Множество деревянных строений, подверженных первым ударам и сильному напору огромной массы воды, не смогли противостоять им и с треском обрушились. Люди спасались, как могли, в целевшие дома, на бревнах, плавающих кровлях, воротах. Не всем, однако, повезло выжить. Петербургу до пришествия стихии оставалось менее двух часов.

В доме Радке их встретили тот же лакей и та же молоденькая служанка. Даже Надежда Михайловна и подпоручик Па-

нютин остались на своих местах, будто не прошел с их прошлой встречи целый день.

– Я попрошу вас отпустить слуг, – обратился к хозяйке дома Корсаков, закончив с обязательными приветствиями. – Боюсь, что не смогу гарантировать их безопасность.

– А мне... – неуверенно начала Надежда.

– А вы – иной случай, – прервал ее Василий Александрович. – Вам придется остаться. И подпоручику тоже.

– Я не привык бежать от опасности, – запальчиво заявил Панютин.

– Если бы вы знали, что вас ждет – бежали бы, – категорично отрезал Корсаков.

В гостиную тем временем вошел Жозеф, держа в руках несколько пистолетов и хозяйскую саблю.

– Надежда Михайловна, предположу, что парадная гостиная просторнее, чем комната, в которой мы находимся? – спросил Василий Александрович.

– Да, – ответила вдова, не сводя удивленного взгляда с горы оружия.

– В таком случае предлагаю переместиться туда.

Зал, куда они перебрались, действительно оказался куда более вместительным. Под напряженными взглядами хозяев дома и с помощью еще не ушедших слуг, Корсаков и Жозеф расчистили гостиную, поставив всю мебель вдоль стен, а на единственный оставшийся столик сложили саблю и пистолеты. Получилось странное подобие бального зала – большая и

пустая комната, упирающаяся в большие окна на улицу. Хотя время перевалило за десять часов, снаружи по-прежнему стоял полумрак из-за нависших над городом свинцовых туч, не пропускавших и лучика солнца.

– Что ж, теперь мы можем поговорить, – сказал Корсаков, дождавшись, пока последние слуги покинули особняк.

– Вам удалось что-то узнать? – спросила его Надежда.

– Да, но правда может вас испугать. Дело в том, что ваш муж, Генрих Радке, действительно намеревается сегодня посетить этот дом.

– Не может быть, – ужаснулась хозяйка.

– Это чушь! Я же сам... – вспыхнул было подпоручик, но быстро замолчал.

– Отчего же вы не продолжаете? – уставился на него своими ледяными глазами Корсаков.

– Я сам видел его мертвое тело, – исправился Панютин. – И как гроб опустили в могилу.

– Убедиться хотели? – сочувственно уточнил Василий Александрович.

– К чему это вы клоните?! – вскочил с места Никита.

– Я не клоню, я утверждаю. Вы, подпоручик, выступили соучастником в убийстве господина Радке.

– Врешь! – зарычал Панютин. – Стреляться! Тотчас же!

– Сядьте на место! – Корсаков голоса не повышал, но его слова дышали такой холодной угрозой, что с подпоручика мигом слетела вся спесь и он опустился обратно в кресло.

Василий Александрович тем временем обернулся к хозяйке дома.

– Кажется, вы обманули меня, Надежда Михайловна, – сказал Корсаков. – Вы поклялись всем, что для вас свято, что к смерти мужа непричастны. Но пока я наблюдаю обратное.

– Я сказала вам чистую правду, – упрямо ответила вдова.

– Не трожьте Наденьку! – нянька Аксинья ворвалась в комнату и заслонила воспитанницу собой. – Невиновная она! Я! Я все это удумала!

– Аксинья, что ты такое говоришь? – задохнулась вдова.

– А чего таперича скрывать? – просто ответила нянька. – Свел бы вас в могилу нехристь проклятый, как пить дать свел! Кровушки вашей попил вдосталь!

– Она правду говорит, – осипшим голосом добавил Панютин. – Надя – святой человек. Я умолял ее уйти от мужа, но она поклялась быть ему верной...

– А он был страшный человек, – поддержала его Аксинья. – Все жилы, всю жизнь и радость из моей девочки вытянул. Никитку вон, вообще убить грозился. Я знала, что у жида-аптекаря разная отравка в лавке продается, вот и отправила мальчонку, – подпоручик открыл было рот, но нянька лишь махнула рукой. – Молчи уж, ишь, военный, орел! А сам мальчонка и есть! Он купил отраву, я взяла грех на душу, чтобы Наденька свободной стала. Да, видать, немчура эта и с того света пакостить готов, раз ему в могиле не лежит-то!

– Это вы верно подметили, – усмехнулся Корсаков. Каза-

лось, обстоятельства походя раскрытого убийства ни капли не тронули его. – Но своим поспешным решением вы сыграли Генриху только на руку.

– Он остался жив? – спросила Надежда.

– Уместнее сказать не-мертв, ибо понятие жизни существу, в которое обратился Генрих Радке, теперь незнакомо. На его родном языке таких существ называли *lieche* – злобные неупокоенные мертвецы, могущество которых растет с каждым годом их не-жизни.

– Господи Иисусе! – перекрестилась Аксинья. Никита просто пораженно молчал.

– И что... – тихо подала голос Надежда. – И что теперь будет? Я проклята на веки вечные? Он вернется, чтобы забрать меня с собой в могилу?

– Он постарается это сделать, – кивнул Корсаков. – А мы, в свой черед, постараемся его остановить. И сделать так, чтобы господин Радке умер окончательно.

– Но как можно убить того, кто уже мертв? – спросил Никита.

– Бьюсь об заклад, что Аксинья знает способ, – хитро посмотрел на старую няню Корсаков. – Да и Надежда Михайловна может помнить. Если внимательно слушала нянечкины сказки. Был там, как мне помниться, один мертвец, охочий до юных девушек...

– Кощей! – ахнула Аксинья.

– Именно, – подтвердил Василий Александрович. – От

смерти подобных существ хранит предмет, что в древних книгах зовется филиakterией. Вроде кощеевой иглы. И учитывая, что смерть для господина Радке наступила внезапно, вряд ли он успел спрятать филиakterию где-то, кроме дома. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

– *C'est très intéressant*,⁴ – пробормотал Жозеф.

– Но что это может быть вещь? – спросила Надежда.

– Это нам и предстоит выяснить, – ответил Корсаков. –
Постойте... Тихо... Вы это слышите?

Собравшиеся умолкли и напряженно прислушались. В наступившей тишине явственно слышался далекий гул, доносящийся откуда-то с улицы. В него вплеталось отчаянно ржание коней и заунывный вой собак. «Неужели все-таки началось?», с замиранием сердца подумал Корсаков. Он неуверенно подошел к окнам и застыл, пораженный открывшейся картиной. Нева явилась в Петербург, заявляя права на отвоеванные у нее земли. Вода брызнула грязными фонтанами из подземных труб, хлынула через гранитные затворы рек и каналов, и со смутным шумом, широкими волнами полилась по улицам. К Корсакову присоединились остальные, будто загипнотизированные жутким зрелищем. Мимо окон неслись бревна, выкорчеванные деревья, обломки деревянных ломов, перевернутые экипажи, вынесенная потоком мебель. Черная вода кипела, словно в котле.

Спустя несколько минут показалось, что всесокрушаю-

⁴ Как интересно (франц.)

щий поток чуть стих. Бурная река все еще неслась вдоль по улице, но уровня окон не достигала.

– *La colère de Dieu*⁵, – прошептал Жозеф.

Бум!

Бум!

Бум!

Три могучих удара в дверь, слышные даже сквозь шум ненастья снаружи.

– Это он! – прошептала Надежда. – Он пришел за мной!

– *Josef, les armes*⁶, – приказал слуге Корсаков, но тот уже был рядом, передавая ему пистолет и саблю. – Останься с госпожой Радке. А вам, подпоручик, я предлагаю доказать свою смелость. Берите пистоль и пойдемте взглянем, кто стоит на пороге.

По лицу Панютина было件нятно, что юный гвардеец с превеликим удовольствием отказался бы от столь щедрого предложения. Но после короткого взгляда на Надежду, подпоручик собрался с силами и решительно кивнул. Корсаков не брался определить, что побудило его сжать волю в кулак – нежелание ударить в грязь лицом перед дамой или же благородное стремление ее защитить.

Мужчины вышли в прихожую и остановились перед дверью. Стук больше не повторялся. Учитывая бедствие за окном, обычный человек вряд ли смог стоять на крыльце и бить

⁵ Гнев Божий (франц.)

⁶ Жозеф, оружие! (франц.)

в дверь с такой силой. С другой стороны, они и не ждали обычного человека.

Корсаков взялся за ручку двери. Рядом громко сглотнул Никита Панютин. Да чего уж греха таить – даже многоопытный Корсаков, прошедший войну с французами и повидавший еще более жуткие вещи, занимаясь семейным делом, почувствовал, как по спине скользнул неприятный холодок страха. Но Василий Александрович знал – нет лучшего лекарства от испуга, чем прямо взглянуть ему в лицо. Корсаков немедленно распахнул дверь.

Перед крыльцом на поверхности воды качался гроб.

Сам факт, что жуткий деревянный ящик не смыло течением, которое влекло более тяжелые и громоздкие предметы дальше по затопленной улице, внушал беспокойство своей неправильностью. Второй особенностью была чистота – словно он только что вышел из лакировочной мастерской. Ни водоросли, ни грязь, ни мусор – ничего не прилипло к гробу, который должен был примчаться сюда по грязным водам.

Стоящий рядом Панютин истово перекрестился. Корсаков подавил желание сделать то же самое. Вместо этого он ступил в воду, поддел саблей крышку гроба и раскрыл его. Никита подался вперед за спиной Василия Александровича, ожидая увидеть невесть какие ужасы внутри.

Вместо этого их встретила пустота. Покойника на атласной подкладке не оказалось.

– Где же он тогда? – неуверенно спросил подпоручик.

– Где-то очень рядом, – ответил Корсаков. Услышав нарастающий гул справа от себя, он повернул голову и опешил. Глаза его округлились от неподдельного ужаса, что приближался с улицы.

– Прочь! – крикнул он, толкая внутрь Панютина и захлопывая за собой дверь. – Жозеф, Надежда, прочь от окон!

То, что несколько минут назад они приняли за окончание наводнения, оказалось лишь временным затишьем. Новый ненасытный поток вырвался на улицы, смывая все, что пощадило предыдущее бедствие. Первым удар приняло на себя кладбище. Все заборы были снесены, мостки уничтожены; кресты с могил унесены (многие потом находили на Выборгской стороне, где в морском госпитале всю зиму ими будут топить печи). Земляные насыпи на могилах смыты; каменные и металлические надгробные плиты сдвинуты с места и занесены землей. Достигнув города, ревущие волны срывали фонари и крыльца, ломали заборы и ограды, будки городских и хлипкие лачуги. Страшнее всего, что среди мусора неслись по улицам трупы утонувших людей и животных. Нева рвала город на части, жадно пожирая и размалывая даже мосты.

Но не это ужаснуло Корсакова.

Грязные бурные воды влекли по улице корабль, сорванный с якорей где-то у Галерной гавани. Он полз по улице, врезаясь в дома и перемалывая мусор поменьше, попадав-

шийся на пути.

Жозеф и Надежда попытались выбежать в прихожую, к парадной лестнице, но не успели. Корабль с обманчивой неповоротливостью достиг особняка. На секунду показалось, что великан минует дом стороной, но течение качнуло его в сторону. Судно натужно застонало, царапая бортом каменные стены. Окна гостиной не выдержали давления и лопнули, впуская внутрь ревущую воду пополам с осколками стекла и сором, влекомым потоком.

Волна отбросила спешащих людей обратно к противоположной стене. Корсаков и Панютин ринулись на помощь, но также были сметены хлынувшим в прихожую потоком. Василий Александрович смог уцепиться за перила лестницы и схватить за руку подпоручика, не дав тому уплыть вглубь дома. В гостиной Жозеф, отфыркиваясь, сумел встать на ноги и помочь Надежде. Он взволнованно озирался в поисках няни Аксины, но быстро понял, что помочь ей уже не сможет. Удар волны впечатал тщедушную старушку в стену, проломив ей череп.

– Нам нужно к лестнице! Подняться наверх! – крикнул слуга, перекрывая рев воды, и, для уверенности, махнул в сторону прихожей. Радке лишь кивнула. Держась друг за друга и преодолевая течение они двинулись прочь из гостиной.

Корсаков и Никита встретили их на лестнице – им удалось-таки взобраться наверх и теперь мужчины встречали

беглецов на нижней незатопленной ступеньке.

– Надежда Михайловна, поспешите! – позвал девушку Василий Александрович и протянул ей руку. Радке сделала несколько неуверенных шажков – но резко остановилась, чуть не потеряв равновесие.

– Надя, что такое? – взволнованно вскричал Панютин.

– Что-то... – начала Надежда. Глаза ее расширились от страха: – *Что-то схватило меня за ногу... Под водой...*

И прежде, чем Корсаков или Никита успели опомниться, неведомая сила рванула девушку назад. Она скрылась бы в мутной воде, если бы не оставшийся внизу Жозеф. Француз подхватил Надежду и потянул в обратную сторону. Мужчины на лестнице бросились вперед и с усилием втащили ее наверх, на спасительную сушу. Слуга последовал следом. Взлетев на верхнюю площадку, насквозь промокшая четверка с волнением взглянула вниз. Туда, где из темного грязного воды медленно поднялся силуэт человека.

Вид он имел чудовищный. Черный похоронный камзол промок и прорвался в нескольких местах. Седые волосы липли к голове, напоминая лысый череп. Кожа, тонкая, как бумага, еле прикрывала кости, словно под ней не осталось ни плоти, ни крови. Но страшнее всего были сверкающие неживым зеленоватым огнем глаза.

Генрих Радке, как и обещал, прибыл к обеду.

– Клянусь любить тебя... – раздался из его глотки сиплый издевательский голос.

Мужчины, не сговариваясь, вскинули пистолеты и разрядили их в мертвеца. Вернее, попытались это сделать. Отсыревший порох отказался вспыхивать, поэтому их оружие лишь сухо и бесполезно щелкнуло курками.

– В горе и в радости... – продолжил жуткий старик, медленно поднимаясь по лестнице.

– Бегите! В его кабинет, немедленно! Найдите филактерию! – рявкнул Корсаков. Жозеф потянул Надежду дальше, в коридор, но Панютин не стал его слушать. С отчаянной смелостью и диким криком он сиганул навстречу Радке, очевидно намереваясь сбросить мертвеца обратно вниз. Однако тот, несмотря на иссохшее тело, остался стоять, а вот подпоручик налетел на него, словно на каменную стену, и грянул оземь. Генрих с торжествующим видом поставил ногу на грудь молодого соперника.

– Тебе ее не забрать, мерзкий старик! – прохрипел Никита.

Радке не обратил на него ни малейшего внимания. С кошмарной силой он оперся на ногу – и без всяких усилий продавил грудную клетку подпоручика, наступив на его еще бьющееся сердце.

– В богатстве и в бедности... – возобновил свою издевательскую клятву Генрих, миновав мертвого Панютина.

Однако наверху его уже ждал Корсаков. Василий Александрович встал таким образом, чтобы перекрыть мертвецу путь в коридор, но при этом оставить себе самому простран-

ство для маневра. В руках его блеснула сабля при взгляде на которую Радке впервые остановился. Лезвие покрывали ди-ковинные письмена и символы, от соломоновых ключей до арабской вязи. Сталь была столь прочной, а заточка – столь острой, что саблей можно было рубить камни.

Жозеф и Надежда тем временем лихорадочно осматривали кабинет ее покойного мужа в поисках филактерии.

– Как она может выглядеть? – обреченно спросила девушка.

– Как угодно, – ответил француз. – В этом силен мой па-трон, а я так, подмастерье.

– Но что-то же вы должны знать!

– Да, давайте собраться с мыслями, – Жозеф остано-вился и постарался осмотреть комнату, загроможденную книга-ми, свитками, документами и картинами свежим взглядом. – Это должно быть что-то прочное, что нельзя случайно сло-мать.

Глаза французa шарили по кабинету.

– Что-то небольшое, чтобы было легко спрятать.

Курительная трубка? Дорогой нож для писем?

– Что-то обыкновенное, чтобы не бросаться в глаза.

Мореходный компас? Серебряный бокал?

– Что-то ценное, чтобы случайно не выбросить.

«Allez, Josef, réfléchis!»⁷ Может, странный идол африкан-ского божка?

⁷ Давай, Жозеф, думай!

– И, думаю, что-то важное, драгоценное для вашего супруга.

– Для Генриха не существовало ничего драгоценного. Он не умеет любить. Он хочет лишь обладать.

– Так это же и есть подсказка для вас! – вскричал Жозеф. – Вы могли не любить его, но должны были узнать! Чем он хотел обладать больше всего?!

Надежда замерла. Ее взгляд скользнул вниз, вдоль левой руки...

Мертвец на лестнице шагнул вперед. Корсаков тотчас же взмахнул саблей. Лезвие перерубило шею Радке не встретив на пути ни малейшего сопротивления. Однако вместо того, чтобы скатиться с плеч покойника, голова осталась на месте. Из раны плеснули язычки жуткого зеленого пламени, что теплилось в глазах Генриха. Мертвец издевательски взял себя за волосы и приподнял голову, точно шляпу.

– В болезни и в здравии... – прошамкал рот, сложившись в ужасающую усмешку. Глаза Генриха взглянули куда-то за спину Корсакова. Язык плотоядно выстрелил между губами.

– Пока смерть не разлучит нас! – отчаянно крикнула из дверей кабинета Надежда.

– Василий Александрович, ловите! – позвал его Жозеф. Корсаков обернулся и увидел, как слуга бросает ему крохотный блестящий предмет.

– НЕТ! – сипло заверещал Радке, бросаясь ему навстречу. Корсаков оказался быстрее. Сабля описала молниеносную

широкую дугу, снизу вверх, от пола и до потолка. Лезвие разрезало Генриха напополам, а затем, не останавливаясь, перехватило брошенный французом предмет.

Дом вздрогнул, словно от могучего удара – это нашла выход заключенная в филактерии злобная магическая сила.

В наступившей тишине на пол со звоном упали и резво разлетелись в разные стороны две половинки разрубленного обручального кольца.

Зеленый огонь, вырывавшийся из ран на теле Генриха Радке, потух. Оборвались все богохульные связи, удерживавшие трупа в целости. Первой рухнула вниз голова, выпавшая из разжавшейся руки. Затем в разные стороны разъехалось туловище мертвеца, рассеченное ударом корсаковской сабли.

В первом часу пополудни водой была залита большая часть Петербурга. Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невой составляла одно гигантское озеро, излившееся Невским проспектом, как широкой рекой, до самого Аничкового моста. Мойка скрылась от глаз и соединилась, подобно всем каналам, с водами, покрывавшими улицы, по которым неслись бревна, мебель, лодки, корабли и покойники. Вскоре мертвое молчание водворилось на улицах. Стихия пощадила лишь Литейную, Рождественскую и Каретную части.

В поперечных линиях Васильевского острова большая часть домов оказалась повреждена; иные смыты до основания; все заборы ниспровергнуты и улицы загромождены обломками или даже целыми хижинами, снесенными наводнением. На многих улицах, во всех низких частях города, лежали изломанные барки и корабли. На Неве все плавучие мосты сорваны, исключая Самсониевский и мост, соединяющий Каменный остров с Петербургской стороной. Все чугунные и каменные переправы уцелели; но гранитная набережная Невы поколебалась и многие камни, особенно на пристанях, оказались сдвинуты с места.

В третьем часу пополудни вода начала сбывать. В семь вечера на улицы вышли первые экипажи. По указанию Императора и деятельными заботами генерала Милорадовича власти начали раздавать еду и одежду пострадавшим. По улицам скитались неприкаянные люди в поисках смытых домов, пропавших близких или сгинувшего источника пропитания. Счет погибших шел на сотни, но сколько – никто не мог сказать наверняка. Многие тела река, уходя, забрала с собой. На фоне этой трагедии гибель гвардейского подпоручика Панютина и старой няньки Аксины никого не заинтересовала.

Корсаков и Жозеф остались в доме Радке на ночь. Они позаботились о мертвых – кроме самого Генриха. Его останки свалили обратно в гроб и отправили прочь по водам превратившейся в реку улицы. Жозеф остался дежурить у На-

дежды, которую покинули все физические и душевные силы. Василий Александрович остался в кабинете Радке, тщательно уничтожая все следы оккультных практик, чтобы никто не смог бы случайно пойти по его темной дорожке. Часть бумаг из тех, что упустил в прошлый раз, он собрал в плотную кожаную папку – их содержимое стоило сохранить.

Наутро в дом вернулись слуги и Корсаков с Жозефом почли возможным покинуть Надежду. От обещанного вознаграждения Василий Александрович отказался – он не считал возможным принять деньги у вдовы, потерявшей близких и оставшейся с разоренным домом.

Экипаж и коня смыло водой, поэтому идти пришлось пешком. У Меньшиковского дворца им удалось нанять лодку, которая переправила их через притихшую Неву. Утлое суденышко высадило мужчин у Сенатской площади. Кругом бродили потерянные и озябшие люди. Мимо, прочь от памятника Петру, пробежал какой-то умалишенный в потрепанном картузе.

– Скачет! Скачет следом! – бормотал он себе под нос.

Столичный дом Корсакова располагался у Таврического сада, в части города, не тронутой бедствием. Жозеф затопил все печи и камины, после чего хозяин и слуга, завернувшись в теплые пледы, устроились в креслах у огня. На столике между ними стоял графин с коньяком и две курительных трубки.

– Знаешь, Жозеф, кажется я не буду в этом году зимовать

в Петербурге, – задумчиво сказал Корсаков.

– Весьма мудрое решение, *Excellence*, – поддержал его француз, подавляя зевок. – Тем более вы почти полгода не видели семью...

– Да-да, – кивнул Корсаков. – Внесу дело Радке в архив, завершу оставшиеся обязательства – и, возможно, мы доберемся в Смоленск до первого снега. Как думаешь, Жозеф?

Ответом ему было молчание.

– Жозеф? – переспросил Василий Александрович и посмотрел на слугу. Тот, уютно завернувшись в плед, мирно посапывал, утомленный событиями прошедшего дня.

– Не слуга, а черт-те что, – усмехнулся Корсаков, но француза будить не стал. Он поднялся из кресла и подошел к окну, где на озябший разоренный город опускались ранние осенние сумерки.

На секунду перед его глазами встала Нева, далекая, недоступная взгляду из его дома. Но Корсаков явственно увидел, как по речным волнам в сторону моря скользит черный лакированный гроб с останками своего жуткого хозяина внутри. Помотав головой, чтобы отогнать навязчивую картину, Василий Александрович зажег лампу, обмакнул в чернила перо и принялся за работу.

От автора

Когда-то в детстве я нашел дома пластинки, где заслужен-

ный артист СССР, имени которого я не запомнил, выразительно читал классические произведения великих русских поэтов, включая «Медный всадник» Пушкина. И черт меня дернул послушать их с бабушкой как-то тоскливым осенним вечером... Поверьте, для впечатлительного детского мозга прослушивание «Медного всадника» (включая момент, вынесенный в эпиграф) стало тем еще ужасом!

Много лет спустя, весной 2023 года, у замечательного краеведа XIX века Михаила Пыляева я наткнулся на следующую историю, якобы произошедшую в день наводнения, 7 ноября 1824 года:

«Так, например, говорили, что некая молодая вдова, проживавшая в одной из дальних линий Васильевского острова, накануне похоронила на Смоленском кладбище своего старого супруга, над прахом которого нерасположена была плакать и терзаться, потому что покойный сожигатель мучил ее своею ревностью. Проводив его на место вечного упокоения, она также думала найти наконец душевное спокойствие; но каков же был ее ужас, когда вечером рокового дня она увидела гроб своего сожигателя у самого крыльца ее дома!»

История макабрическая, как раз в духе «Архивов Корсакова»! Жаль только, что самого Владимира Николаевича в то время даже в проекте не было. А потом меня осенило – но ведь вполне здравствовал его героический дед, о котором мельком упоминали «Дело о безутешном отце» и «Дело

о призрачном юнкере». Эврика, как говорится! Оттолкнувшись от этого эпизода, я и написал «Дело о бурных водах».

Картина ужасающего наводнения, описанная в рассказе, верна где-то на 90% – и лишь оставшиеся 10% я добавил для художественности от себя. Большинство из описаний, которые вы могли прочитать на страницах рассказа, взяты из воспоминаний, дневников, мемуаров, отчетов и иных документальных источников. Местами – дословно. В чем я не уверен, так это в скорости налетевшего бедствия и минутном затишье между двумя ударами, но эти моменты были нужны для нагнетания напряжения, поэтому – уж простите выдумку. А вот все остальное (включая плывущие по улицам корабли) – либо чистая правда, либо выдумка современников трагедии, с которых уже не спросишь.

Если «Дело о бурных водах» стало для вас первым знакомством с «Архивом Корсакова» – и оно вам понравилось – то позвольте порекомендовать остальные части. Книжки «Дело о проклятых портретах», «Дело о безутешном отце», «Дело о призрачном юнкере» и «Дело о посрамителе воронов» – это более плотные «номерные» части, каждая с собственным расследованием, но и магистральная сюжетная линия наличествует, поэтому лучше читать их по порядку. Пятая повесть сейчас в работе. Небольшие «Дело о белой даме» и «Дело о бездонном омуте» никаких спойлеров не содержат, поэтому их читать можно в любой очередности. Плюс есть еще две серии ретро-детективов, «Тайны губернского города

С.» и «Доктор Фальк», они без мистики, но более милые и уютные. И, если это все вас заинтересовало, то присоединяйтесь к нашему уютному сообществу в «Телеграме», «Старорежимный детектив Игоря Евдокимова», где я регулярно делюсь новостями, историями, фотографиями и прочим контентом.

Спасибо, что прочитали рассказ до конца, и, надеюсь, до новых встреч!